

ВЛ. КАРДАИЛ

Современные сказки

Вл. Кардаил

Современные сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969867

ISBN 9785449327079

Аннотация

Сказки помнятся по привычным с детства персонажам: Алёнушка, Сивка-бурка, Баба-яга и прочие каши, в реальном существовании которых мы не сомневались, а уж сегодня ещё меньше сомневаемся, потому что на каждом шагу подворачиваются знакомые герои и похожие ситуации. Вообще говоря, это сборник пародий – незлобивый юмор, конечно ирония, хотя не обошлось и без откровенной сатиры. Последнее обстоятельство с неумолимостью связало выдумку сказки с реальностью нашей интересной эпохи...

Содержание

Предисловие	5
Сказки кота Васьки	6
Присказка	6
Царство-государство	9
Волк и козлы	9
Зимовье зверей	11
Спящая царевна	14
Змей и солдат	16
Морозко	20
Золотая рыбка	25
Мужик и барин	29
Семь Симеонов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Современные сказки

Вл. Кардаил

© Вл. Кардаил, 2018

ISBN 978-5-4493-2707-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Русские сказки, наряду со многими сказками других народов – неотъемлемая часть современного фольклора.

Мы их часто вспоминаем в быту, а то и глядя на общественно-политическую жизнь. Они попадают и в анекдоты, что навело составителя этого сборника на мысль слегка их осовременить, представить, как бы они звучали, если бы создавались в наше непростое время, в которое мы имели счастье попасть – увы, как кур в ощиц.

В сборнике использованы как народные сказки и сказки известных писателей (Пушкин, Аксаков, Ершов, Мамин-Сибиряк и др., аллюзии на творчество бр. Стругацких, В. Высоцкого, Б. Окуджавы), так и известные анекдоты, современный сленг и реалии по состоянию на февраль-май 2018.

Реалии эти неизбежно устаревают и, возможно, через некоторое время не будут понятны читателю без комментариев. Однако назначение сборника в том и состоит, чтобы бросить сатирический взгляд на состояние России начала нового века.

В сказках применены упрощённые словестные приёмы, которые стилизуют повествование под простонародную речь без претензии на особое знание этого вопроса, за что составитель сборника, интерпретатор известных сказок, просит прощения у профессиональных филологов.

Сказки кота Васьки

Присказка

Без присказки сказки – што без полозьев салазки, што штаны без пуговиц или, на худой конец, без молнии, а и што молния настояща без грому.

Начинаеца сказка с подсказки не от сивки, не от бурки, не от вещево каурки, не от молодецково посвисту, не от бабьево покрику, а от суровых обстоятельств окружившей нас судьбы.

Вот диво – так диво! На море-окияне, на острове Буяне стоит дуб – вдесятером не обхватишь. По дубу ходит кот Васька. Налево пойдёт – песнь заводит, направо – сказки сказывают. Сказки известные: жуи страна репу – вот тебе скрепа! Направо пойдёт: врёт бесстыже напропалую, глазом не моргнёт – ровно, как ево министр иностранных дел или ихние пресс-секретари.

Летать меж телебашен сова – веселá голова. Вот она летать, летать, сидить, хвостиком повертить, по сторонам посмотреть да опять летать, летать, сидить, хвостиком повертить... – и так до конца присказки.

Стоит столб точёный, золочёный, на нефтедолларах закручёный, враньём подточёный, на столбе птица – синяя си-

ница, на цепь посажена, улететь не может.

Стоять избушки на Алтынке – снаружи златы маковки, унуре такія жи унитазы, печки муравлёны, потолки чёрных соболей, живут там двенадцать богатырей – все силовики, как на подбор, члены кооператива «Заводь».

Скакали опришники по стольну-граду, царскою службою похвалялися, да тока люди им во след крестилися да плева-лися.

Ездили дураки – высоки колпаки по бездорожью на «кроссоверах», деньги на дорожное строительство покра-ли, «кроссоверы» поломалися.

Щастье то ли было, то ли не было, ноне не видати, а от ста-риков слыхати: щастье – недотрога, щастье – дорога.

Выпала зима снежна-красна, в лесу – пуццай, а в городе убирать некому, потому што заместо дворников таньгу на-чальнички получаютъ.

Жил царь на царстве, как сыр на скатерти, и была у ево в услуженьи девица-пропагандица, всех убаюкавица. Сам царь пятый срок сидить, на весь мир сердить, в дуду дудить: вставайте, мои подданные, с колен – а оне не встають, со-противляюца. Опять же, сидючи, портреты царя охранять от унутрянных врагов сподручней.

А ить могли бы реки потечь молочныя, берега кисельныя, а по полям летать жареныя куропатки.

Жил патриарх – царя глазами исть, мблиця, от народа бо-роду отворачиваить.

Разодрались на ток-шоу комар с мухой. Комар кусил муху, а муха-то – слепня, а слепень-то – шершня, а шершень-то – воробья. И пошёл у их бой – не разлить бойцов водой. Рейтинг, однако!

В тридевятom царстве, в тридесятom государстве, када снег горел, соломой тушили, много народу покрушили, да дел не порешили. Их туземный народ ык завсегда воевать привык: сперва сам с собой воевал, потом царь-ирод ево воевал, а таперь гибридна война в моде, – и так всю дорогу, разум не подмога? Войны затратны, потери объятны – дык всё ж не без дела.

А кот Васька на шоу-дебаты не ходить, знай снуётъ туды-сюда, туды-сюды, он выше дебатов, скока ево ни части – он слушайть да исть.

Энто тока присказка, сказка – ишо на срок впереди...

Царство-государство

Волк и козлы

Было энтэ, не было, но жили в одном царстве-государстве козлы. Жили – не тужили, а тут помер у их самый старый и главный козёл, – как, кубыть, таперь жить? Не привыкши. Сидять они, горюють, капуста в глотку не лезеть. Случилося тут пробегать мимо Волку. А он был из другой сказки, иде козлятушек обманул, так што опытный, матёрый. Постучал он в козлиные ворота и запел тонким голосом:

Козлятушки-ребятушки!
Я ваш новый отец,
из себя молодец!
Доверься, козлиный народ,
пусти мене в огород!

Услыхали энтэ козлы, столпилися пред воротами и говорят:

– Больно голос у табе тоненький, нам нужен такой козёл, штоб дикие звери боялися!

«Не вопрос, – подумал Волк. – Дело привычное». Сбегал к кузнецу, перековал голос, козлиную шкуру напялил, вер-

нулся и снова спел ту же песенку.

Посомневались козлы и пустили ево, хучь очень боялися за свою капусту. Давно известно: хто што охраняить, тот то и иметь. Волк, однако ж, не капусту стал хрумкать, а привёл с собой своих товаришшей по кооперативу «Заводь». Так образовалася козлия элита. Расширили они огород до размеров плантации, а ишо выпас устроили – для козлов. И стала элита их помаленьку исть, но без фанатизма. Племенных козлов и коз даже за бугор на выставки посылали под усиленной охраной. Ваще всё пошло, как по писаному: наладили торговлю капустой и морковкой, присовокупили козлятины...

Однако и козлам утешенье: боялися таперь энтово места дикие звери, обходили плантацию стороной. Козлы даже хвасталися: мы с колен, дескать, поднялися, список Форбса обогатили дальше некуда. А што сами бедно живём и едят нас по-чёрному – так то ничево.

Зато Волк демократию соблюл: устраиваить избирательные кампании, иде побеждаить нерушимый блок волков и козлов, а ишо самый главный, все толпой тока за ево и голосуют. Да, говорят, ить и не за ково больше!

И я там был, пробовал с козлами на энту тему поговорить, но они слушать не стали, а так наподдали мене под одно место, что до сих пор сидеть не могу. Таки чё? – лёжа-то сподрушней сказки рассказывать.

Зимовье зверей

По опушке дремучего леса шёл бычок, попадаица ему навстречу баран.

– Куды, баран, идёшь? – спрашивает бычок.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Айда со мною!

Идуть они вместе, а дале к им таким же манером попадают в компанию свинья, гусь и петух. Хавронья от зимы желудей искала, гусь – пруд, штоб не замерзал, а петух – иде зимой зерно клевать и песни петь.

Вот они идуть путём-дорогою и рассуждают промеж себя:

– Ну што, братцы! Осень ужо накатила, иде будем тепла искать?

Бычок сказываить:

– Давайте избу строить, а то, чево доброго, и впрямь зимуо замёрзнем.

Баран говорить:

– У мене шуба тепла! Я и так перезимую!

Свинья:

– А и я не боюся: закопаюся в сено и так прозимую.

Гусь:

– А я заберуся в ельник, одно крыло постелю, а другим накроюся!

Петух:

– А я на своих крыльях летать буду с места на место и не замёрзну.

Бычок видеть, надо одному хлопотати.

– Ну, – говорить, – как хотите, а я избу построю.

Сладил сабе избушку, а тут и зима морозна накатила. Скоро подбежал к избе баран:

– Пусти, брат, погрецца.

Бычку стало ево жаль: как-никак тоже рогатый. Далее таким же манером к нему обратно присоседилися прозябшия свинья и пернатя гусь с петухом.

Вот живут они сабе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать. Случилося так, што пробегала мимо лиса из самой, што ни на исть, лесной полиции и службы исполненья наказаний. Услыхала петуха, приняхалася...

И побежала к медведю, который ведал в лесу сразу законодательной и исполнительной властью, а у ево, как всегда, сидел за бутылкой скоч-виски волк, заведующий безопасностью и границами леса.

– Ну, любезные куманьки! – говорить она им. – Нашла я для всех поживу: для табя, медведь, – бычка, для табя, волк, – барана, ну, а мне хватить петуха с гусятинкой.

– Ай да кумушка! – говорить медведь. – Хвалю за службу! Пошли, волк, ето дело стбяшшее, на несколько пар тышш потянить.

Лиса привела их к избушке. Медведь говорить волку:

– Иди уперод!

А волк, конечно, храбрый был, но не особо, и разрычался:

– Чё я? Как чё, так сразу я! Отвечать – тоже я! Ты у нас власть, – зачем мы тебя на ея посадили? Иди ты уперод!

Однакость начальник исть начальник, пошёл волк. Сунулся в двери, – бычок и припёр ево рогами к стенке. Баран разбежался – и рогами в бок. Свинья накинулась – и давай рвать из лесной безопасности ключья. Гусь подлетел – глаза щиплеть. А петух с бруса ка-ак заорёть:

– За-ку-ка-реку! За-ку-ка-реку!

Услыхали то лиса с медведем – да бёжать!

Насилу волк вырвался, догнал законодательну и исполнительну власть и рассказывать на ходу:

– Ну, што было! Таково страху отродясь не видывал. Вошёл в избу – откуда ни возьмись, мужик с вилами на меня, к стенке прижал! Набежало народу, все супротив, никак-во уважения – хто бьёт, хто рвёт, хто шилом в глаза колить. А ишо один на брису сидел да кричал: «Заку-секу! Заку-секу!»

Ну их к лешему! Пусть живут, как хочуть, целея будем.

Вот почему, када законодательна и исполнительна власть в одной морде, то такие морды никада не ходють на предвыборные дебаты.

Спящая царевна

Спать царевна, а вокруг ея все ходють на цыпочках.

То добрый молодец пройдётъ, часть бюджета стибрить.

То другой прошмыгнётъ с шоблой опришников в масках – рейдерский захват требовать таинства!

То третий – спецоперацию очередну провернётъ по исправлению заблуждений в мировом общественном мненьи.

То ишо хто проскользнётъ на отравление очередново национал-предателя каким-нтъ веществом, приводящим в отропъ весь мир бусурманский, да и нас самих, ежели помыслить отважно и дерзко на собственной кухне.

То прошуршить по проезжей части на мягких шинах за матерьялами, што отгрузять по дешёвке на постройку дворца сказошново – натурально, за деньги, которыя дьяк али енерал до конца службы на благо отечества через бюджетну кассу не заработали бы.

Спать сабе царевна все триста лет, накарканных злой колдуньей в качестве срока перехода от тирании к демократии.

Тока спать она не лёжа, а стоя: в одной руке весы покачиваюца, в другой меч-кладенец разяший, совсем заржавел, а на глазах повязка, штоб белый свет спать не мешал.

Так што по фига ей всё, а и власть всё решить: правозащитникам – сроки огромныя и этапы длинныя, а опришникам и прохиндеям во Христе – святое благословенье и новые

назначенья во славу и благоденствие спящей империи.

Спит царица – и вы спите и не рыпайтесь, дорогая граждане-избиратели, без вас всё примут и решат – кому в нищете беспросветной жизни, кому дымы ядовиты вдыхать, – а кому в сказочных дворцах обитать и на Мальдивах отдыхать.

Змей и солдат

Было то али не было, но в некотором государстве шёл по дороге солдат. Отслужил своё, многое повидал, не имел ни кола, ни двора, зато обрёл чувство справедливости, редкое по нашим временам. Звали его, скажем, Бровкин. Шёл он, куды глаза глядеть, покуривал самокрутку и песни распевал.

И вот дошёл Бровкин как-то под вечер до ярмарки. Нашёл хостел, постучал:

– Эй, хозяйева, пустите солдата переночевать!

Нихто не отзываетца. Пошёл он к гостинице – и здесь ни ответа, ни привета, всё кругом пылью да паутиной покрылося. «Што за диво? – думайть Бровкин. – Куды ж все люди подевались?» Стал ходить по павильонам – везде пусто... Вошёл, наконец, в последний. И видить: сидить за столом мужик-предприниматель, пригорюнился.

– Здравствуй, добрый человек! – говорить Бровкин.

– Здравствуй, служивый. Как ты сюды попал? Видно, жисть тебе надоела. На войне уцелел, а здесь ни за што пропадёшь.

– Это ишо почему? – удивляеца солдат.

– Да вот, повадился к нам змей о трёх головах летать и пожирать предпринимателей – всех без разбору – и малых,

и средних.

– Это как же понять? Рази тут вас некому защитить?

– А хто нас будеть защищать? Змей-то о трёх головах: одна голова законы диктуить – мол, всё, што змей ни сделает, всё по закону, друга объявляить, што главное – это высшая безопасность, да тока не наша, а змеиная, а третья судить – да усё в свою пользу. Так и проглотил змей всех, хто в Лондон не успел убрацца, мене одного до утра оставил. Завтра прилетить и съисть, да и табе несдобровать.

– А можа, подавица? – усомнился Бровкин. – Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю, што это за змей такой.

Переночевали они. Утром поднялася сильная буря, закачался павильон – прилетел змей. Сунул свои головы разом в дверь и в пару окон, уставился шестью газишшами на мужика и солдата.

– Ага, – говорить первая голова, – а вот и ишо один предприниматель! Объявляю законный рейдерский захват табя и твоёй амуниции!

– Подавишься! – отвечать Бровкин.

– Неподчинение полиции, национальной гвардии и службе безопасности в моей морде, – заявляить вторая голова, – наказываца через съеденье!

– Самый справедливый змеиный суд, – объявляить третья голова, – приговариваить солдата-предпринимателя к поглощению! Приговор исполнить немедленно. А мужика завтра съем.

– Да я ить не предприниматель.

– А мне по фигу – приговор уже вынесен и обжалованью не подлежить.

– Взаправду съишь? – ухмыляеца Бровкин.

– Не сумлевайся! Разделаю на три части, каждой голове по куску, да и облизнуся!

– Врёшь, подавишьси!

– Да куда тебе со мной совладать!

– Я не таких, как ты видал, тварей ползучих и летучих!

– А ну давай попробуем, хто ково собрать?

– Ну, давай. Для началу – хто из нас громче свистнить?

Змей как свистнул в три пасти – в павильоне стёкла вылетели, с деревьев листья посыпалися. Мужик с солдатом чуть не оглохли.

– Хорошо ты свистишь, да не лучше маво, – говорить Бровкин. – Завяжи-ка, мужик, ему глазишши, все шесть, а то, как свистну, оне у ево изо лбов выскочуть!

Замотал мужик у змея все три пары глаз рогожей, а тот не возражал из спортивново интересу. А Бровкин уже приглядел биту.

– Внимание, – кричить. – Раз! Два! Два с половиной! Два на ниточке! Два на соплях!..

А сам хватъ биту да ка-ак саданётъ змея одним махом по всем трём головам! Змей взвыл и закричал во все горлы:

– Полно, полно, солдат, не свисти больше! Давай лучше с тобой побратаемси: ты бушь кубыть как старшим братом,

а я – меньшим.

– Не к лицу мене с тобой брататься, ну да ладно уж, будь по-твоему!

Почесал затылок и придумал:

– Раз я старший, сделаем так: этого мужика тута бросим, пушай ярмарку сторожить. Летим, брат, в Лондóн, там, говорят, таковских наших предпринимателей хучь пруд пруди. Уговорим их домой вертацца, скажем: конкуренции никакой – амнистию объявим, а тута здесь с ими и разберёмся.

– Хороша идея! Как я сам не догадалси? Изволь, брат, полетели.

Сел Бровкин змею на спину и полетели они в Лондóн. Ну, а в Лондóне змея в цепи заковали и разобралися с им уже по всем аглицким законам, согласно которым законодательна, исполнительна и судебна власти разделены, што, натурально, предохраняить народ от нищеты и мора всяково. Посадили змея в тамошний зоопарк на всеобще обозренье. Стали на ево отовсюду туристы слетатися, штоб посмотреть на диво ползуче: мол, вот ведь как получаецца, када в некоторых царствах-государствах разделенья властей нету.

А Бровкин, в натуре, уехал обратно домой и занялся предпринимательством. С тех пор бизнесменов тама уже некому было жрати, а те, што уехали, вернулись, стали налоги платить, и зажил тамошний люд свободно, достойно и щастливо.

Морозко

В некотором царстве, в некотором государстве жил как-то мужик да с другой женой. У мужика была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как в старые времена за мачехой жили: недокрутисси – бита и недовертисси – тожа бита. А родная дочь што ни сделать – за всё по головке погладють: умница. Однакость в боле поздние времена вдругорядь всё переменялось: до мачех дошло, што надо бы всё наоборот: ежели любишь – закладай в дитятку трудолюбие, оно и жити подможить, и щастье принесёт. Однакость, времена-то обратно изменилися! И как там таперя дела с энтим обстоять?

Мачеха, кубыть как дважды учёная, гоняить свою дочку – скажем, Варвару, – как сидорову козу, штоб она скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – и т. д. А падчерицу – скажем, Снежану, – понятно дело, холить, балуить, подарками задариват, на балы посылат с начальством знакомица на предмет вхожденья в высший круг, штоб не своим умом и талантом жить, а на чужой шее. Короче, к бедам и испытаньям всяким растёт Снежна непривыкшая. И вот наступает час, так сказать, испытаний: мачеха решила, што уж довели падчерицу до кондиции и пора на ей, наименее ценном члене ихнево коллективу, проверить на вшивость воеводу Морозко – то исть, какі таки подарки тот готов выложить по запланированному

в этой сказке случаю.

Мужик, конечно, был законченный подкаблущник – иначе как бы согласился везти дочку в трескучий мороз в лес и там бросить. Конечно, затужил, поплакал, как положено, однакость делать неча, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

– Садись мила дочь, в сани.

Повёз бедняжку в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. А в нашем царстве-государстве за главново как раз и выступать тот самый Морозко, который всё подмораживать: политический климат, оппозицию, социальные лифты, парламентскую деятельность – хобби у ево такое.

И вот сидить Снежана под елью, дрожить, озноб пробираться. Вдруг – чу! – невдалеке воевода по ёлкам потрескиват, с ёлки на ёлку поскакиват, пощёлкиват. Очутился на той ели, под которой девица сидить, и спрашивать ея сверху:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко подморозил солидарность и ишо гражданску активность, сам потрескиват, пощелкиват:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводить:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко заинтересовалси, подморозил до кучи расходы на образование и науку, спрашивать:

– А как звать-величать табя, красавица?

– Снежана Былдовна, – еле шевелить губами девушка.

Морозко ишо ниже спустился, пуще затрещал, сильнея зашщёлкал, экономику вконец заморозил, а судебныя расследования против малых и средних предпринимателей, наоборот, рассупонил:

– А таперь тепло ли тебе, Снежана, тепло ли тебе, Былдовна?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелить:

– Ой, тепло, Морозушко, тепло, ты наш свет в окошке и солнышко ясное!

– Ах ты, моя лапушка! – заценил Морозко девицу, перестал в ей сумлевацца, окутал тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами и взял на заметку как ценный кадр.

А мачеха ужо на всякий случай печёт блины – поминки справлять, кричить мужику:

– Ступай, старый, вези Снежанку, посмотрим, што с ей сталося!

Поехал старик к тому месту и видить: под елью скачить по сугробам ево дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и рядом – короб с богатыми подарками. Ну, конечно, обрадовался, положил добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

Мачеха взяла всё на ум и на следующий день велить:

– Запрягай, старый, лошадь обратно! Вези таперь мою дочь в лес, да посади на то же место!

Старик усадил Варварию в сани, завёз в лес, вывалил в су-

гроб под высокой елью и уехал.

И вот сидит мачехина дочь, зубами стучить. Морозко по лесу потрескиват, с елки на елку поскакиват, пощелкиват – заморозил заработки, пенсии, а уж прожиточный минимум – так ето сам бог велел. Замечайть девушку симпатешную:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ты чё, окаянный, ваще с ума ковырнулси? Ты ж всю страну заморозил, кончай безобразничать!

У Морозко глаза круглы стали, в инее так и хлопають. Он ниже спустился, заморозил контакты с цивилизованным зарубежьем, обмен инвестициями, технологиями, налоги повысил, потрескиват, пощелкиват.

– Неужто не тепло тебе, девица? А вот усем ежели нравица! Говорять, нас пуще уважають, ежели усё заморозить-то!

– Ты совсем сбрендил, идиот? Моразька красноносый!

Воевода расстроился, ишо ниже спустился, с им редко хто так разговариваить, рази што Пионтковский да Бабченко. Сильнея приударил, затрешшал, зашщёлкал, устроил пару гибридных войн, довёл инфраструктуру до полново развала, самолёты падають, станции взрываюца, торговые центры горять:

– Неужто не тепло тебе, девица? Рази не тепло, красная?

– Ну, дурень, ты ж давно под суд созрел! Под международный!

Осерчал Морозко, да так, што Варвара получила свою двушечку – всё по закону, естественно, который и применил суд в форме эскимо «Метелица», к коему то и дело подъезжают на санях власть и деньги имущия и откусывают по кусочку.

Так што Варвария, мачехина дочь, отправилася в свою исправительно-трудовую колонию строго режиму, штоб неповадно было, а Снежану, мужикову дочь, Морозко закатал в сыр-масло и послал говорящей головой в брильянтовом кокошнике на един из телеканалов, коих у ево тьма.

Был и я там на одной из передач, помню, чё-то неуёмное стал орати про Морозко, што, конечно, вырезали, – зато оставили, как мене устроители пыталися проткнуть микрофоном наскрозь, штоб знал как людям всякия бредни баять.

Золотая рыбка

На море-окияне, на острове Буяне стояла ветхая избёнка, и жили в той избёнке старик со старухой. Жили в великой бедности, рыбы, какую ловил старик, едва хватало на уху, да и то под вечер. И вот однажды закинул он невод, вытянул, – а там трепыхаеца всево одна рыбка, правда, не простая – золотая. Взмолилася рыбка человеческим голосом:

– Отпусти мене, старче! Я табе пригожуся, што пожела-ишь, то и сделаю.

Жалко старику ея стало – ить не кажна рыба разговаривать по-нашему могёт – и отпустил просто так. Дома спрашивают ево старуха про улов, он, как на духу, всё ей и рассказал на свою голову. Разоралася старуха:

– Дурачина ты, – кричить, – простофиля! Гля, корыто раскололося, не в чем стирати, ступай к рыбке, требуй, штоб новое дала!

Делать неча. Поспешил старик обратно, бегаить по берегу, кличь рыбку. Приплыла рыбка, спросила ласково:

– Чево табе надобно, старче?

– Прости, государыня рыбка! Старуха моя осерчала, корыто у нас треснуло, новое прбсить.

– Ступай сабе с богом, будеть у вас корыто.

И точно – как в сказке: подходит он к избёнке, а старуха шмотки стираить в новом корыте, вся в пене.

– Дурачина, – отплёвываеца, – простофиля! Ступай обратно к рыбке и без таливизера не возвращайси!

Спешить старик к морю, кличь – и рыбка, натурально, исполнять и энто желанье, – што ей, таливизера жалко? Да хучь «Самсунг»! Приходить домой, а дома старуха в телек упулилася, просвещайца. Просвещалася она неделю, не боле, а там обратно своё:

– Дурачина, простофиля! Ступай, требуй у рыбки нефтяных и газовых месторождений, вот тады мы заживём, так заживём!

Пошёл старик на берег – помутилося синее море. Позвал, приплыла из глубины рыбка.

– Смилуйся, государыня рыбка! – молить старик. – Старуха моя совсем с ума ковырнулася, нефть с газом какие-то требовать.

– Не печалься, ступай сабе с богом. Будуть ей месторожденья.

Воротился старик и видеть: вместо избёнки дворец из стекла и бетона, в высоких креслах царица сидить. Пригляделся – а энто ево старуха! Перед ей целый выводок олигархов, подале войско маршируить – сплошь «космонавты», старуха всем приказы отдаёт, за чубы таскаить: не так, мол, стоите! не так сидите! не потерплю! Завидела старика, приказала отволочь в конюшню и выпороть на всяк случай, а потом дать ему метлу и поставить дворником на задворках.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот замыслила

старуха всемирный антерес выправить, каким она сабе ево представляла. Приказала олигархам и енералам найти старика, те забегали, засуетилися, наконец обнаружили и приволокли.

– Во-первых, – говорить старуха, – штоб был мир многополярный. Во-вторых, штоб со мною все державы считалися и ниhto супротив, а хто перечить будеть, тово в бараний рог. И в-третьих, штоб все трубопроводы, шельфы, острова и проливы вокруг, а в Ледовитом окияне так до самого полюса – мои были со всей нефтью и газом! И штоб звала-ся я великой энергетической царицею! А на дне Северного полюса – знамя нашенское воткнуть, штоб разведалося оно там, пока нефть с газом не кóнчаца!¹

Поспешил старик обратно к синему морю, за сердце хватаеца, еле дышитъ. Почернело синее море, заштормило, волны там – ну, всё, как у Пушкина. Еле дозвался старик сквозь вой ветра.

– Чево табе надобно, старче?

– Смилуйся, государыня рыбка! Совсем старуха взбеленилася! Требуить, штоб звали ея великой энергетической царицею! Штоб ниhto ей не перечил, подавай шельфы ей, проливы, знамя на полюсе да мир при том многополярный!

Ничего не сказала на этот раз рыбка, развернулася, махнула хвостом и ушла в глубину моря. Пригорюнился старик, воротился назад, – ан дворца-то никаково ужо и нет, как

¹ По прогнозам, довольно скоро, но на век старухи хватило бы.

не бывало, на его месте стоит ветхая избёнка, на пороге сидит старуха в драном сарафане, а перед ею разбитое корыто.

Мужик и барин

Жил-был мужик, которому не сиделось на месте, – ходил он то и дело на приработки, а заодно смотрел, как люди живут. И вот как-то оделся он по-походному, идёт путём-дорожкой, а навстречу ему барин на кроссовере «Мерседес-Бенц» – боярин из кооператива «Заводь». Захотелось боярину узнать, што думать простой народ о тех, хто на Руси всем заправляють. Приказал кучеру, тьфу, шофёру остановицца, подозвал мужика:

– А, – говорить, – добрый человек, вижу, ты много иде побывал?

– Да, точно так, – отвечать тот, – бывал.

– И много народу видал?

– Видал порядошно.

– Скажи, пожалста, хто лучше – дьяк, опришник, поп или из нашего брата, боярин-барин?

Мужик подумал и говорить:

– Нихто не лучше, един другово хужее.

– Как так?

– Дьяки и опришники хужее, потому што мзду берут, людя́м жить не дають. Из-за их приходица отходный промысел на стороне искати.

– Так-так, ну а попы што не так делают?

– Да всё не так. Энти хужее потому, што обещають за по-

слушанье тута – жисть в раю тама. Так до тово раю ишо дожить надобно! Оне однава бояца: кабы царю поперёк чего не сказати. Так што патриарх, прямо как ваша милость, на «Мерсе» ездить, тока бронированном почему-то. Видно-ть, на бога не надееца.

– А наш брат, баре-бояре, чем табе не угодили?

– Как чем? Вы всех хужее, вы ж царёва свита, каждый должен што-то кумекать хучь бы в хозяйстве и быту нашем. Так никакowo кумеканья у вас не просвечиват, ни сверху, ни снизу – вот и приходица, как могём, выживати.

Отпустил боярин мужика и поехал дальше своею дорогою, удивляясь про сабя, какой глупый мужик пошёл, не понимаить сваво щастия жить в царстве-государстве, иде главные люди – бояре, опришники, дьяки и попы – денно и ношно бюджет распределяют туды-сюды, вертикаль державную охраняючи. Нет, никак боярин энтово в бороду взять не смог и решил, как приедеть в терем свой, велеть Маньке баньку истопить, а там напицца крепково мёду.

Был у энтой сказки когда-то другой конец – там мужик не раз барина обманывал и уличал ево в глупости. Но времена изменилися, бояре таперь направо и налево свою образованность показывают, тока толку от ея простому народу нетути.

Семь Симеонов

Жили-были в некотором царстве-государстве семеро братьев-близнецов. Все один в одного и лицом и статью. Жили на озере, рыбным делом² занимались, охотничьим промыслом, ну и подворовывали помаленьку.

Случилось так, што ехал той стороной тогдашний начальник тайной канцелярии. Остановился на озере, половил с братьями рыбку, барбекю там, выпивон. Говорить им:

– Нравитесь вы мне, я ить тож занимался промыслом, делами разными... Царь стар стал, предложил ево заменить, э-э, временно. Пойдёте ко мне в услуженье?

– Отчево ж не пойти? – отвечают Симеоны. – Царский промысел – дело прибыльное.

– К какому мастерству хто способен, какое ремесло знаете?

Первый отвечать:

– Могу железный столп отлить и в землю вкопать, повыше Александрийсково буде.

– О! – хлопнул сабе по лбу начальник. – Вертикаль устроим, хорошее дело.

Второй выступать:

– Могу с энтово столпа за людишками доглядати, усех бу-де видно, ништо не спрячеца.

² См. сериал «Икра». Было также Краснодарское дело, хлопковое...

– Лады, – говорить начальник. – За дьяками зырить бушь по всей вертикали, а заодно судить-рядить, законы писать.

Третий:

– А я могу продавать наши богатства природныя по чужим землям.

– О! – воскликнул начальник. – Вот и таньга для моей казны, финансами будешь ведать и внешним пиаром.

Четвёртый:

– А я с детских лет пою, пляшу, смешу!

– Класс! – радуеца начальник. – Будешь зрелища по госканалам устраивать, штоб был мой народ довольный и блаадушный.

Пятый:

– А я больше по тёмным делам: украсть, взорвать чё, спрятать концы, газ там, полоний-210...

– Пбнил! – прерываить ево начальник. – Безопасностью моёй будешь заведовать. Федеральной то исть.

Шестой:

– А я по части духовно-косметической, мозги пудрю, штоб чуть што гибрид, мол, и нихто не догадаеца.

– Ах, ты мой сладкий! – начальник аж подпрыгнул. – Вот чаво у нас не хватало – духовности! Даю тебе званье младшего полковника. Кто супротив духовности чё нарушить – тово в острог.

Наконец, седьмой:

– А я книги писать могу по нашенской истории славной,

как мы до такой жисти докатилися и тыщу лет дальше катицца будем.

– Вот-вот! – бьёт сабя по ляжкам начальник. – Назначаю табя министром культуры, главным по скрепам. Всех по культуре обскачем, а хто скакать не будеть – тово в бараний рог.

Зажило то царство при новом царе при полной стабильности: все довольны, никаких табе вольностей, а уж тем боле новшеств заморских – ни к чему они, када скрепы есть. Царя с ево вертикалью оставили на тыщу лет править. Торговля природными богатствами идёт бойко, все семеро Симеонов, а заодно другие братаны, родня и прочие, в список Форбса попали, всем заморским странам на зависть. Да и народ, хучь и живёт бедно, зато в темноте и не балуить. Одна дурашка-оппозиция, какá ишо в острог не загремела, никак сабе другово места не находить, тово и гляди, народ честной просвещать начнёт. И придумали тады Симеоны, што надо бы заморскими землями прирасти. Решили: поженить царя на княжне с ближнево ненашево острова. Мол, поднимеца волна патриотизьма и усех умников смоеть в сине море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.